

Содержание

<i>Безутешная радость</i>	9
---------------------------------	---

ВОДЯНЫЕ ЗНАКИ

Высшая награда	17
Какого цвета аленький цветочек.	23
Связка скрипичных ключей	34

НЕ ТОЧКИ НА КАРТЕ

В объятиях Садового кольца.	45
Планета Юшино, или Сталк по заброшкам	70
По Минскому тракту	88
Интернациональная улица, синий забор	97
“Здесь я бессмертен...”	105

О ЦЕННОМ И БЕСЦЕННОМ

Десятая муза	III
В мире дольнем, или Вещи в себе	121
“Империя” слушает!	127
Искусство золотого шва	135

МОЙ СИНОДИК

Сквозь щелку в портъере	143
Таблица умножения любви	158
“За расставаньем будет встреча...”	176

С ЗАПЕРТЫМИ УСТАМИ

Параолимпийское спокойствие	189
Белые садовые ромашки	193
“Но это же не может длиться до бесконечности...”	201

“МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ...”

...В одну и ту же реку	211
Синдром самозванца	227

ЕЩЕ НЕ ВРЕМЯ

Недрогнувшей рукой	235
Предполагаю жить	241

*С абсолютной ясностью я воскрешаю пейзажи,
жесты, интонации, миллионы чувственных
деталей, но имена и числа погружаются
в забвение с абсурдной безоглядностью маленьких
слепцов, цепочкой бредущих по пирсу.*

Владимир Набоков. Строгие суждения

*...помню снег, и дождь, и мокрые кровли,
а разве что-то бывает кроме?*

Геннадий Калашников

Безутешная радость

В этот день имя на памятнике никогда не прочитать. А для меня осталось местечко в самом низу — оно первым будет скрываться под снегом.

Поначалу каждая ночь с понедельника на вторник была для меня бессонной. Но потом постепенно я все реже мучилась этим, потом и вовсе эта ночь перестала отличаться от иных на неделе, а бессонница стала приходить без оглядки на календарь.

* * *

Новый 2018 год впервые встречала одна. Рано утром 1 января меня потянуло на кладбище. Я справедливо решила, что дороги будут пустые, но не учла, что и на кладбище не будет ни души. Я не боюсь совсем, но проблема оказалась в том, что я не могла войти в калитку — ее полностью перегородила огромная грязно-белая собака. Кладбищенские собаки злые — их спускают с цепи вечером после закрытия. Я подошла поближе и стала громко звать охранника — будка была рядом, но никто не откликнулся. Не уезжать же обратно. Тогда я стала

громко разговаривать с псом: “Здравствуй, собака! С Новым годом! Я очень хочу пройти, ты же разрешишь мне?” Собака внимательно послушала, поглядела на меня и села. Теперь я могла бы протиснуться в калитку боком, но и только. Я еще покричала охраннику — тщетно. Пришлось просить дальше: “Собака, у меня умер муж, я очень тоскую,пусти меня, видишь, я привезла цветы, его любимые ирисы”. Она встала и отошла в сторону. Не без дрожи я вошла в калитку. Аллея была совершенно пустынна. На полпути я обернулась: собака бежала за мной на некотором расстоянии. И дальше совсем невероятное: она дошла со мной до могилы, сидела рядом, пока я, стряхнув снег с плиты, положила цветы и помолчала, а потом проводила меня обратно. Я постучала в будку — охранник так и не появился. Когда я села в машину — обернулась, псина опять лежала, полностью перегородив вход. Кстати, наступивший год по восточному календарю был годом Собаки...

Интересно, встретил ли Миша там наших драгоценных зверей — пса Барона и кота Бурбона, как надеялся...

* * *

Из всех предметов одежды самый любимый — жилеты. У меня их много — на все случаи жизни. А у Миши была теплая, меховая, сильно вытертая, даже облезлая жилетка, которую он именовал не иначе как “ветхо рубище певца”. Я умоляла выбросить это “рубище”, оставлявшее на стульях и на полу

клочки меха. Наконец он сдался: “Только, — сказал, — сама. У меня рука не поднимется”.

Зачем у меня тогда поднялась рука... Сейчас можно было бы в нее лицом уткнуться...

* * *

“Крепка, как смерть, любовь”, — говорится в Песне Песней. Если смерть — мера всего неизбежного, то, значит, любовь, которая с ней сравнивается, преодолевает ее, не умирает со смертью.

* * *

Миша в застольях любил рассказывать, что нашел меня глубокой ночью на улице Горького. Неизменно звучит эффектно. Это — правда, но не вся. Действительно, мы впервые увидели друг друга в предракетный час на пустой главной московской улице между площадью Маяковского и Пушкинской. Но я была не одна. Более того, с поклонником, который хотел на мне жениться, и — как знать, куда повернулось бы, если бы не та случайная встреча. Счастливая встреча.

* * *

В один прекрасный день я решительно высыпала содержимое чемодана и трех картонных ящиков на наш большой овальный стол, за которым, когда раскладывали, свободно помещалось человек двадцать, — подняв столб пыли. Прочитавшись и про-

ветрив комнату, я стала ждать возвращения Миши с прогулки. На пороге он застыл, забыв вытереть псу Барону грязные лапы и растерянно обозревая грудку фотографий, громоздившихся на столе кучками в полнейшем беспорядке. “Пока все не разберем, так и будет”, — грозно сказала я, и он понял, что не шучу. На следующий день мы купили альбомы и начали сортировать, подписывать, наклеивать... Не помню точно, но заняла эта история не один месяц. Я, как и обещала, порядок не наводила.

Альбомы эти стоят теперь в строю, все фотографии аккуратно подписаны. Недавно я показала один из них внучке: “Это твоя прабабушка”. Она ответила: “Не выдумывай. В древности не было фотографий”.

* * *

А ведь эта фотография, быть может, решила мою судьбу... Вернее, негатив, с которого можно было сделать много отпечатков. В первый раз, когда Миша был у меня в гостях, мы разговорились о предках и выяснили, что его отец в 1929 году окончил Московскую консерваторию по классу моего дяди, Самуила Евгеньевича Фейнберга. Когда обнаружилось, что в наших семейных альбомах хранится такая фотография, где они вместе, мы замолчали и, как признались потом, обоих посетила одна и та же мысль — об общей судьбе, что нам уготована.

...И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гамме, и блеск, и шум, и говор балов, и друга первый взгляд, беспомощный и жуткий, и лебедь, как прежде, плывет сквозь века, и одиночеством всегдашним полно всё в сердце и природе, и начинает уставать вода, и это означает близость снега, и мир опять представит странным, закутанным в цветной туман, и мы прошли их, видимо, насквозь и черным ходом в будущее вышли, и вот, бессмертные на время, мы к лику сосен причтены...

...я знаю: чтобы тебе было хорошо “в месте светлом, месте злачном, месте покойном”, пока я — по недосмотру свыше — здесь, на земле, у меня в жизни должно, почаще должно быть — ну, наверное, не счастье, а то, что вместо счастья.

Безутешная радость...

ВОДЯНЫЕ ЗНАКИ

*О, сколько их на полях!
Но каждый цветет по-своему —
Вот высший подвиг цветка!*

Басё. Перевод Веры Марковой

Высшая награда

“Deus conservat omnia” — “Бог сохраняет всё” — девиз рода Шереметевых начертан на гербе, украшающем ограду Фонтанного дома. Первая ассоциация — эпиграф к ахматовской “Поэме без героя”. А следующая — Иосиф Бродский — на столетие Анны Ахматовой:

Бог сохраняет всё; особенно — слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.

Интересно, что со временем строки Бродского подверглись усековению и сделались афоризмом: “Бог сохраняет всё — особенно слова”. Это, с одной стороны, конечно же, искажает смысл, вложенный поэтом, но с другой — создает новый, более широкий, возвращая понятию “слово” сакральный смысл — все-таки “в начале было Слово” — и превращая написанное едва ли не в скрижали.

Наверное, именно эта ответственность порождает пресловутый страх перед чистым листом, пресловутые муки творчества и парализующую порой неуверенность в себе. А еще невозможность объективной оценки, отсутствие шкалы, на которой нанесена была бы та самая “ценностей незыблемая скала”.